

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Тимур Матиев

МАЛГОБЕКСКИЙ БАСТИОН

**ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ
БИТВЫ ЗА КАВКАЗ**

1942

Тимур Матиев

**Малгобекский бастион.
Поворотный момент битвы за
Кавказ. Сентябрь–октябрь 1942 г.**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Матиев Т.

Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ.
Сентябрь–октябрь 1942 г. / Т. Матиев — «Центрполиграф»,
2016

ISBN 978-5-227-06776-0

Настоящая монография является первым в отечественной истории опытом комплексного анализа одной из важнейших страниц битвы за Кавказ 1942–1943 гг. – Малгобекской оборонительной операции, проведенной войсками Северной группы войск Закавказского фронта в сентябре – октябре 1942 г. с целью отражения наступления немецких войск и срыва попытки их прорыва в нефтяные районы Кавказа. В книге представлен анализ хода боевых действий в районе Малгобека осенью 1942 г., подробно рассмотрены особенности военного искусства и применения отдельных родов и видов вооруженных сил СССР и Германии, показана жизнь населения прифронтовых районов. Исследование опирается на широкий круг архивных источников – как российских, так и германских.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-06776-0

© Матиев Т., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

От автора	6
Введение	7
Глава 1	12
Общее положение на южном участке советско-германского фронта к моменту начала Малгобекской оборонительной операции	12
Военно-экономическое и военно-стратегическое значение Малгобека к началу осени 1942 г.	20
Перед схваткой: расстановка и соотношение сил и средств сторон накануне начала Малгобекской оборонительной операции	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тимур Матиев
Малгобекский бастион. Поворотный
момент битвы за Кавказ.
Сентябрь – октябрь 1942 г.

© Матиев Т. Х., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Моей матери Рукет Тугановне Матиевой посвящаю эту книгу

От автора

Тема войны, последние залпы которой отгремели 70 лет назад, остается актуальной и близкой даже для невоювавших поколений, живущих в нашей стране. Иначе, видимо, и быть не могло. Слишком глубоки следы, оставленные войной в исторической и, если угодно, генетической памяти народов бывшего СССР. Слишком часто и повсеместно и сегодня мы сталкиваемся даже в повседневной жизни с отголосками той эпической трагедии – от маршей последователей Гитлера в странах, победивших фашизм, до этнополитических конфликтов, вызванных незавершенностью процесса реабилитации народов, депортированных в годы войны за мнимое пособничество врагу.

Для автора этих строк тема войны была и остается близкой всю сознательную жизнь. Детство, проведенное на малгобекской земле; прогулки со сверстниками среди заросших бурьяном окопов и траншей, оставшихся с военной поры, – незатянувшихся шрамов, оставленных бушевавшими здесь боями; игры, в которых игрушками служили настоящие гильзы и осколки, щедро разбросанные в плодородной черноземной почве, обильно политой людской кровью все той же войной; рассказы очевидцев тех событий из числа местных жителей; наконец, воспоминания о военной поре, услышанные от членов собственной семьи, – все это, несомненно, повлияло на возникновение интереса к военной тематике, равно как и память о военных событиях, окружавшая последние советские поколения всюду – на страницах книг, экранах телевизоров, залах кинотеатров.

Однако был и другой аспект этого интереса, возникший уже позднее – в годы перестройки и гласности в СССР, когда во всеуслышание была произнесена наконец правда о сталинской депортации народов, и последнее советское поколение ингушских детей в полной мере осознало, что минувшая война для их народа была трагедией вдвойне. С этого момента к интересу к истории войны как таковой добавилось не менее обостренное желание узнать о месте и роли (подлинной, а не выдуманной придворными историками-пропагандистами), которую в тех судьбоносных для страны и всего мира событиях сыграли древняя земля и многонациональный народ Ингушетии.

Систематическая работа по изучению и анализу событий, связанных с Малгобекской оборонительной операцией, автором была начата в 2005 г. Итогом систематизации и обобщения собранного материала и является настоящее исследование, работа над которым велась на протяжении в общей сложности двух с половиной лет.

Автору хотелось бы выразить искреннюю признательность тем людям и организациям, помощь которых стала важным подспорьем в подготовке и опубликовании настоящей работы. В частности, большую помощь в подготовке исследования оказали консультации основателя и на протяжении многих лет – бессменного директора Музея воинской славы г. Малгобека Б. А. Чербижева. Отдельные материалы по истории рассматриваемых в настоящем исследовании событий предоставлены нынешним руководителем музея З. А. Албогачиевым. Н. Д. Кодзоев любезно предоставил ценный фотоматериал по участникам битвы за Малгобек. Наконец, особо хочется поблагодарить рецензентов данной работы – кандидата исторических наук, полковника В.-Г. Х. Танкиева и доктора исторических наук З. М.-Т. Дзарахову.

Отдельную признательность выражаю бывшему директору ИнгНИИ ГН профессору И. А. Дахкильгову (к сожалению, ушедшему из жизни в марте 2014 г.) и ректору Ингушского государственного университета профессору А. М. Мартазанову.

Введение

Осенью 1942 г. на склонах Терского хребта, в окрестностях бывшего поселка нефтяников Малгобека, тогда еще только что получившего статус города, разыгралась битва, оказавшая неожиданно значимое влияние на ход минувшей войны – самой кровопролитной и разрушительной в истории человечества. Между тем история этого сражения представляет собой одно из многочисленных белых пятен в истории Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны. Для страны, понесшей самые большие потери в этой войне; страны, для которой эта война стала одной из величайших национальных трагедий в ее истории, непозволительно так мало знать даже о самых незначительных, на первый взгляд, страницах ее истории.

Между тем сражение у стен Малгобека никто из серьезных военных историков не считал даже в советское время чем-то «незначительным». Тот факт, что именно на данном участке фронта сошлись в смертельном противоборстве главные силы действующих на Северном Кавказе советских и немецких сил в лице Северной группы войск Закавказского фронта и 1-й танковой армии вермахта, говорит сам за себя. Так же как и то, что именно здесь, на северных склонах Терского хребта, застопорилось наступление германских войск на главнейшем стратегическом направлении (о чем сегодня нередко забывают, когда говорят о кампании 1942 г., главным событием которой стала Сталинградская битва, в то время как именно кавказское направление определялось основной директивой № 41, согласно которой развивались наступательные действия германского вермахта летом 1942 г. на советско-германском фронте).

В последние годы, в преддверии очередного юбилея Победы в Великой Отечественной войне, вновь встает вопрос об оценке характерных черт и значения наиболее существенных операций 1941–1945 гг. В этом смысле особый интерес представляет рассмотрение особенностей военных операций первого периода Великой Отечественной войны – до и накануне достижения коренного перелома в ходе боевых действий на советско-германском фронте. Речь идет, прежде всего, об оборонительных сражениях Красной армии в 1941–1942 гг. В этом ряду особняком стоят оборонительные действия советских войск в ходе битвы за Кавказ, как в отечественной историографии называют военные события на Северном Кавказе в июле 1942 – январе 1943 г.

В ходе работы над исследованием широко привлекались архивные материалы – как отечественные, так и зарубежные. Большая часть использованных в данной работе документов ранее не публиковалась.

Большой пласт в целом практически неразработанных еще документальных материалов по данной проблематике содержат отечественные архивы, в особенности Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) в городе Подольске. Это оперативные сводки и донесения штабов частей и соединений Красной армии, принимавших участие в сражении; приказы и распоряжения командования различных уровней; разведывательные сводки; отчеты тыловых служб и иные документы, позволяющие составить картину происходившего в драматические дни осени 1942 г. на Северном Кавказе, где, без преувеличения, решалась на тот момент судьба страны и народа.

В настоящем исследовании, впервые в работах такого рода, посвященных Малгобекской оборонительной операции, использован столь большой объем штабных документов немецких соединений, принимавших участие в боях осени 1942 г. на малгобекском направлении. Это в первую очередь хранившиеся после войны в фондах Национальной архивной службы США (NARA) и ставшие доступными для исследования сравнительно недавно документы оперативных отделов штабов корпусов и дивизий вермахта, участвовавших в этих боях.

Огромную помощь в работе над исследованием оказали материалы периодической печати того времени – как местной, так и центральной, в публикациях которой так

или иначе освещались различные аспекты битвы за Кавказ, в том числе и сражений под Малгобеком. В ряду использованных при работе над исследованием периодических изданий особо следует отметить газеты «Грозненский рабочий», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др. [179, 182, 183, 189, 190–194, 197, 199].

Огромную ценность как исторический источник представляют собой мемуарные работы непосредственных участников рассматриваемых событий – как с советской, так и с немецкой стороны. В ряду советских работ такого рода надо выделить в первую очередь мемуары И. П. Тюленева, И. П. Рослого, К. А. Вершинина, В. П. Савельева [77, 70, 71, 57, 72].

Являясь своего рода «взглядом изнутри», со стороны непосредственных очевидцев и участников происходивших событий, данные работы играют роль ценного исторического источника, позволяющего пролить свет на целый ряд подробностей грандиозного сражения, разгоревшегося вокруг Малгобека осенью 1942 г.

С немецкой стороны при рассмотрении данной проблемы несомненный интерес представляют в первую очередь воспоминания непосредственных участников военных действий на Северном Кавказе – как рядовых солдат, так и офицеров и генералов вермахта и СС. Огромную ценность, как с точки зрения исторической мемуаристики, так и с позиции исследователя, представляет труд Вильгельма Тике, принимавшего участие в боях на Тереке осенью 1942 г. и оставившего весьма детальное описание тех событий на основе собственных личных наблюдений, воспоминаний своих соратников, документов и материалов немецкой стороны [164].

Работа Тике, вышедшая в ФРГ еще в 70-х гг., на русский язык переведена сравнительно недавно. Она не лишена определенных недостатков, неточностей, иногда тенденциозно и некритично отображает содержание цитируемых и используемых в иной форме источников. Вместе с тем следует признать, что данное исследование стоит особняком как среди немецких, так и советских и российских, в плане детальности и глубины рассмотрения военных событий 1942–1943 гг. на Северном Кавказе, в том числе и вокруг Малгобека. При этом если работ, посвященных другим сторонам битвы за Кавказ, насчитывается немало, то среди трудов, освещающих именно битву за Малгобек, книга Тике, несмотря на все перечисленные выше ее недостатки, пока, пожалуй, вне конкуренции – и это справедливо, если говорить как о зарубежных, так и отечественных изданиях. Таковы последствия молчания, долгие годы царившего вокруг темы Малгобекской операции в отечественной исторической литературе.

Крайне ценным источником является историко-мемуарная работа Эвальда Клапдора, также вышедшая в ФРГ еще в 70-х гг. и с тех пор неоднократно переиздававшаяся. К сожалению, она до сих пор не переведена на русский язык. Автор работы, который в период рассматриваемых нами событий воевал под Малгобеком в чине унтерштурмфюрера СС и командовал взводом в танковом батальоне дивизии «Викинг», уделяет много места событиям под Малгобеком. В своей работе он опирается как на личные впечатления от участия в боях на малгобекском направлении осенью 1942 г., так и на документальные источники – воспоминания других участников боев с немецкой стороны, отчеты частей и соединений, боевые сводки и донесения.

В ряду мемуарных работ немецких участников событий стоит также упомянуть мемуары Э. фон Маккензена, командовавшего 3-м танковым корпусом вермахта, части которого также принимали участие в боях за Малгобек [66], а также труды Ф. Гальдера, А. Шпеера и др., в той или иной степени затрагивающие некоторые аспекты летне-осенней кампании 1942 г. [58, 79].

Вопросы, связанные с историей изучения Малгобекской оборонительной операции осени 1942 г., так или иначе затрагивались в целом ряде научных трудов советских и российских авторов. Однако, как уже указывалось, они рассматривались прежде всего в контексте битвы за Кавказ в целом и не выделялись в предмет самостоятельного изучения. Это относится в том числе и к освещению рассматриваемых нами событий в таких фундаментальных трудах советского времени, как 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» и 12-томная «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» [143, 144].

В отечественной историографии относительно немного работ, которые сколько-нибудь полно раскрывали бы подробности происходивших в тот период под Малгобеком военных событий. Одним из редких исключений является работа А. А. Гречко «Битва за Кавказ» [131]. В ней автор довольно подробно и глубоко анализирует ход основных событий и этапов военных операций на Северном Кавказе в 1942–1943 гг., в которых он сам принимал непосредственное участие в качестве командующего 18-й армией. Написанная профессиональным военным, к тому же являвшимся участником рассматриваемых событий, данная работа служит не только глубоким и добросовестным историческим исследованием, но и представляет собой ценный источник для современных историков. Большой заслугой А. А. Гречко следует считать и тот факт, что одним из первых в своей работе применительно к военным событиям на северных склонах Терского хребта в сентябре – октябре 1942 г. он употребил термин «Малгобекская оборонительная операция».

Казалось бы, авторитет и профессиональная компетентность в военно-исторических вопросах такого автора, как А. А. Гречко, обязывает последующих разработчиков этой темы придерживаться того терминологического набора, которым в своем капитальном труде оперирует он. Но на деле вся последующая советская историография (вообще-то довольно консервативная и отличавшаяся чинопочитанием как в военном, так и в военно-историческом аспекте) проявила в данном вопросе непонятную «строптивость». В последующих исследованиях 70–80-х гг. упорно используется термин Моздокская или, в крайнем случае, Моздок-Малгобекская операция. Это относится в первую очередь к коллективной монографии А. Гучмазова, М. Траскунова и К. Цкитишвили, в которой уделено значительное внимание анализу основных событий Малгобекской оборонительной операции [133]. Данная работа стала ценным подспорьем при подготовке предлагаемого исследования, особенно в части, касающейся рассмотрения первого этапа Малгобекской оборонительной операции (сентябрь 1942 г.).

Среди работ современных отечественных исследователей отдельные стороны изучаемой темы освещены в трудах М. Коломийца, И. Мощанского, А. Исаева, В. Бешанова, В. И. Феськова, К. А. Калашникова, В. И. Голикова и др. [186, 187, 142, 130, 168].

Из работ, вышедших в последние годы по данной проблематике, особенно следует выделить весьма информативное и добротное научное исследование И. Мощанского, посвященное истории оборонительного периода битвы за Кавказ (июль – декабрь 1942 г.) [154]. Автор уделяет большое внимание Малгобекской оборонительной операции, и можно утверждать, что его книга пока является наиболее полно раскрывшей военно-историческую сторону рассматриваемых нами событий из числа отечественных работ по данной проблематике. В то же время в работе Мощанского Малгобекская оборонительная операция рассматривается в рамках обзора всего оборонительного периода битвы за Кавказ (июль – декабрь 1942 г.). К тому же автор придерживается традиционной для советской и российской историографии точки зрения на хронологические рамки Малгобекской оборонительной операции, определяя их между 1 и 28 сентября 1942 г. В настоящем исследовании мы придерживаемся иных взглядов на эту сторону вопроса, о чем будет сказано ниже.

Из работ зарубежных историков, в первую очередь германских, помимо уже упомянутого В. Тике, отдельные стороны военных операций в районе Малгобека рассматривались в трудах таких авторов, как П. Каррелл, Т. Хоффман, Х. Грайнер, Э. Цимке, М. Бауэр и др. [146, 147, 171, 132, 376].

Отдельные аспекты военной, политической, экономической и других составляющих рассматриваемой проблемы в разной степени освещены также в работах таких ученых, как Х. Бозе, Р. Д. Мюллер, К. Шенхерр и др. [371, 374, 173].

Говоря об источниковой базе нашего исследования, нельзя совершенно особо не отметить авторов работ, посвященных отдельным сторонам Малгобекской операции, которые вели свою исследовательскую деятельность в бывшей Чечено-Ингушетии и нынешней Республике

Ингушетия. Это, прежде всего, народный писатель РИ А. Х. Боков. Ахмед Хамиевич был уроженцем села Сагопшин (ныне – сельское поселение Сагопши Малгобекского района Республики Ингушетия), ставшего в конце сентября 1942 г. – в решающие дни боев за Малгобек – эпицентром военных событий. Возможно, этот факт оказал влияние на его увлеченность данной тематикой. Долгие годы А. Х. Боков посвятил сбору и популяризации фактического исторического материала, посвященного битве за Малгобек. Во многом благодаря его авторитету и работоспособности изучение этой проблемы вышло на страницы сначала местной, а затем и региональной печати [81, 178].

Неоценимый вклад в организацию поисково-исследовательской работы, связанной с историей битвы за Малгобек, сбора сведений о ней (включая свидетельства очевидцев и участников) и привлечения научного и общественного внимания к этой проблеме внес Б. А. Чербижев [203]. В ходе работы над данным исследованием его консультации оказали автору существенную помощь.

Вопросам, связанным с обороной Малгобека и участием в ней населения Ингушетии, уделяли внимание в своих работах М. А. Абазатов, Э. Д. Мужухоева, Т. У. Яндиева и др. [122, 175, 155].

Как уже отмечено выше, используемый в настоящем исследовании термин «Малгобекская оборонительная операция» в отечественной литературе последних десятилетий использовался редко, хотя в изданиях 50–60-х гг. его можно встретить значительно чаще [205, 131]. В последние годы началась некоторая «реабилитация» этого термина в работах современных историков, которые, правда, ограничивают рамки оборонительной операции периодом 1–28 сентября 1942 г. [142, с. 155]. Именно данному периоду боев за Малгобек больше всего места отводится в советских и российских военно-исторических работах [131, 133, 130, 141, 154], тогда как событиям вокруг Малгобека с конца сентября по вторую половину октября значительно больше внимания уделили иностранные, прежде всего – немецкие авторы [164, 171, 372]. В то же время даже некоторые авторы самых последних по времени исследований данной тематики предпочитают чаще употреблять топонимы Моздок или Терек в описании боев, центром которых на протяжении полутора месяцев осени 1942 г. так или иначе оставался Малгобек [187, с. 35].

Настоящая работа посвящена в основном военно-исторической стороне событий под Малгобеком, происшедших осенью 1942 г. В связи с этим помимо общего военно-исторического обзора Малгобекской оборонительной операции настоящее исследование содержит раздел, посвященный развитию военного искусства и роли родов вооруженных сил сторон в битве за Малгобек.

Не меньшего внимания, однако, заслуживает анализ жизни прифронтовой полосы, в которую в те месяцы превратилась вся Ингушетия, в свете развития ситуации на фронте и в тылу. Несмотря на военно-исторический характер данного исследования, одна из глав в нем отведена рассмотрению наиболее характерных черт общественной, экономической и культурной жизни Ингушетии в дни Малгобекской оборонительной операции. В то же время степень рассмотрения этой стороны вопроса в настоящем исследовании, безусловно, далека от исчерпывающего анализа данной темы, и автор не ставил своей целью такой анализ. Рассмотрение общественно-политической и социально-экономической жизни Ингушетии периода войны – дело отдельного и тщательного разностороннего исследования. Тем не менее некоторые моменты общественной жизни региона того времени, освещенные в данной работе, возможно, помогут читателю представить себе происшедшие события в более полном и объемном виде.

За десятилетия, прошедшие с того момента, как в степях и на склонах холмов под Малгобеком стихла канонада боев, многое изменилось. Совсем мало осталось ветеранов и очевидцев тех событий. Нет уже той страны – СССР, за которую проливали кровь и отдавали жизни

бойцы, командиры, политработники, терпели нужду и страдания труженики тыла и гражданское население. Волны общественно-политических и социально-экономических перемен сменяли друг друга. И все же это было совсем еще недавно – в историческом плане буквально вчера. Жива и память о тех днях – на территории сегодняшнего Малгобекского района Республики Ингушетия находится 120 воинских захоронений и 17 памятников героям обороны Малгобека. А 8 октября 2007 г. вышел Указ Президента РФ о присвоении Малгобеку звания Города воинской славы. Спустя 65 лет со времени героической обороны малгобекского рубежа этой славной странице нашего общего прошлого наконец начала воздаваться дань уважения со стороны государства и внимания со стороны общества.

Семь с лишним десятилетий, которые отделяют наши дни от тех событий, не должны стать непреодолимой преградой на пути к восстановлению исторической справедливости в отношении битвы за Малгобек. Данная книга – попытка сделать первый шаг на пути к созданию подлинно всеобъемлющей картины этой битвы, итоги которой имели огромное историческое значение и для судеб Северного Кавказа, и всей страны в целом.

Глава 1 Накануне

Общее положение на южном участке советско-германского фронта к моменту начала Малгобекской оборонительной операции

Спустя год после вторжения войск нацистского рейха в пределы СССР развитие военно-стратегической ситуации на советско-германском фронте Второй мировой войны приблизило мир к кульминационному моменту этого грандиозного противостояния. Таким моментом суждено было стать летней кампании 1942 г.

К этому времени уже стало очевидным, что война окончательно утратила перспективы стремительного и победоносного для держав оси завершения в рамках одной молниеносной кампании, как это, собственно, было предусмотрено планом «Барбаросса», в соответствии с которым разрабатывалась агрессия против СССР и который вермахт пытался реализовать в беспрецедентной по размаху осуществления и масштабу задействованных сил и средств кампании предыдущего, 1941 г. Однако попытки эти, как известно, потерпели полный крах в результате успешных действий советских войск зимой 1941 г. Несмотря на не имевшие (и не имеющие по сей день) аналогов в мировой истории войн по масштабу и тяжести последствий военные поражения лета и осени 1941 г., СССР сумел отразить ставшие апогеем немецких военных усилий в 1941 г. два наступления группы армий «Центр» на Москву в октябре и ноябре 1941 г., остановить продвижение войск групп армий «Север» и «Юг» на ленинградском и ростовском направлениях и, наконец, организовать успешные контрнаступательные операции под Тихвином, Ростовом и Москвой, переросшие в общее контрнаступление Красной армии зимой 1941/42 г.

Поражения стран-агрессоров в первую зимнюю кампанию на Восточном фронте, едва не приведшие Третий рейх и его союзников к глобальной военной катастрофе спустя всего лишь полгода после нападения на СССР, имели огромное военное, экономическое и психологическое значение. Помимо того что впервые вермахт познал всю горечь поражений, которые до тех пор сам привык наносить всем без исключения своим противникам как на Западе, так и на Востоке; помимо того что поражения эти постигли его лучшие, наиболее боеспособные и подготовленные части и соединения на важнейшем театре военных действий; помимо шокирующих цифр потерь немецких вооруженных сил убитыми, ранеными и обмороженными – помимо всего этого война на Востоке, планировавшаяся и развязанная в надежде и даже твердой уверенности на стремительный успех, приобрела характер затяжной, причем в условиях, к которым армии агрессора были совершенно не готовы ни с материальной, ни с моральной точек зрения.

В то же время для народа, армии и руководства СССР победы зимы 1941/42 г. стали поистине глотком надежды в безнадежной, казалось бы, ситуации. Кроме того что они наглядно показали пусть пока и небезупречную боеспособность Красной армии; способность ее командования и в целом военно-политического руководства страны справляться с катастрофическими ситуациями (в которые, справедливости ради отметим, страна была ввергнута не в последнюю очередь по вине их прежней недалекости и бездарности); наконец, не теоретическую, а вполне практическую возможность нанесения пусть и не сокрушительного все еще поражения непобедимым доселе войскам вторжения, представлявшим по праву считавшуюся

на тот момент лучшей в мире армию, – они также воодушевили страну и народ на продолжение вооруженной борьбы и вселили все более крепнущую надежду на достижение конечной победы.

В свете вышесказанного неудивительно, что летняя кампания 1942 г. на советско-германском фронте определялась обеими противоборствующими сторонами как решающая и была признана военно-политическим руководством и в Москве, и в Берлине способной оказать определяющее влияние на весь ход и исход вооруженной борьбы на этом, ставшем к тому времени, без сомнения, важнейшим театре военных действий Второй мировой войны.

По завершении зимней кампании советские Вооруженные силы, хотя и нанесли в предшествующий период ряд чувствительных поражений противнику, пока еще значительно уступали ему и по численности, и особенно по технической оснащенности. СССР не обладал готовыми резервами и такими материальными ресурсами, которые позволили бы ему добиться решающей победы в ближайшее время.

В это время Вооруженные силы Советского Союза только в действующей армии насчитывали 5,6 млн человек, из которых в сухопутных войсках было около 4,9 млн человек, или 87,5 процента. Действующая армия состояла из 293 стрелковых и 34 кавалерийских дивизий, 121 стрелковой бригады трех-четырехбатальонного состава и 56 отдельных танковых бригад, 12 укрепленных районов и ряда других частей. Все эти соединения входили в состав 48 общевойсковых армий и 3 оперативных групп, объединенных в 10 фронтов и 1 зону обороны. Советское Верховное главнокомандование продолжало развертывать стратегические резервы. На 1 апреля в их состав входили: управления 2 общевойсковых армий, 24 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии, 5 стрелковых и 1 танковая бригады, 1 укрепленный район, 3 авиационные бригады (в них входило 12 полков) и 25 отдельных авиационных полков. Всего в резерве насчитывалось около 205 тыс. человек, 1632 орудия и миномета, 155 танков, 225 самолетов. Многие соединения и части резерва находились еще в стадии формирования.

Двумя фронтами (более 40 дивизий) советские Вооруженные силы прикрывали дальневосточные границы. Военные округа имели задачу готовить пополнения для действующей армии [144, с. 21–22].

В начале марта 1942 г. Ставка рассмотрела перспективы развития военных операций на летнюю кампанию [80, с. 34].

Как вспоминал маршал А. М. Василевский, в Генеральном штабе и Ставке считали, что основной ближайшей задачей советских войск должна быть временная стратегическая оборона. Ее цель – изматывая оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах ударные группировки врага, не только сорвать подготавливаемое фашистами летнее наступление, но и подорвать их силы и тем самым с наименьшими для нас потерями подготовить благоприятные условия для перехода Красной армии в решительное наступление.

К середине марта Генеральный штаб завершил все обоснования и расчеты по плану операции на весну и начало лета 1942 г. Главная идея плана: активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление.

Сталин, не считая возможным развернуть в начале лета крупные наступательные операции, был также за активную стратегическую оборону. Но наряду с ней он полагал целесообразным провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников стоял на том, чтобы не переходить к широким контр-наступательным действиям до лета. Г. К. Жуков, поддерживая в основном Шапошникова, считал в то же время крайне необходимым разгромить в начале лета ржевско-вяземскую группировку врага. Главное внимание в плане, естественно, уделялось Центральному направлению, отмечает А. Василевский [56, с. 156].

Германия и ее союзники, планируя свои действия в летней кампании 1942 г., исходили из более трезвых посылов, чем годом ранее, накануне нападения на СССР. К. Типпельскирх пишет: «Летняя и зимняя кампании 1941 г. дали большую нагрузку немецким войскам, однако они сохранили свою наступательную мощь как в моральном, так и физическом отношениях. Но все же она была недостаточной, чтобы вести наступление на всем фронте общей протяженностью около 3 тыс. км. Только при объединении всех танковых и моторизованных соединений на одном участке фронта еще можно было бы рассчитывать на полный успех. На остальных же участках нужно было лишь стремиться к тому, чтобы восполнить потери, понесенные за год боев, и сделать войска снова полностью боеспособными и подвижными» [165, с. 310].

Такой непредвиденный для фашистского руководства поворот событий привел к серьезным затруднениям с людскими ресурсами. И все же вооруженные силы фашистской Германии весной 1942 г. были достаточно мощными. В них находилось 8 600 тыс. человек. От этого количества сухопутные войска составляли 71,5 процента. Они имели 226 дивизий и 11 бригад, в которых насчитывалось 43,2 тыс. орудий и минометов (без 50-мм минометов и зенитных орудий) и 5719 танков и штурмовых орудий. Качество боевой техники и вооружения было достаточно высоким. Военно-воздушные силы Третьего рейха располагали 4750 боевыми самолетами.

Основная масса вооруженных сил фашистской Германии находилась на советско-германском фронте. Пользуясь отсутствием второго фронта, немецкое командование зимой 1941/42 г. направило на советско-германский фронт более 40 новых дивизий и значительное количество маршевого пополнения. На 1 апреля здесь было 176 дивизий сухопутных войск (в том числе 21 танковая и 14 моторизованных) и 9 бригад. На советско-германском фронте действовали также 14 финских дивизий и 8 бригад, 7 румынских дивизий и 7 бригад, 3 венгерские дивизии и 2 бригады, 3 итальянские, 2 словацкие и 1 испанская дивизии [144, с. 23–24].

Поскольку после проигранной зимней кампании 1941/42 г. и связанных с этим огромных людских и материальных потерь державы фашистского блока не могли организовать повторения летне-осеннего наступления 1941 г. по всем стратегическим направлениям, было сочтено целесообразным выбрать для нанесения главного удара одно из них, а именно – южное, на севере же и в центре ограничиться активной обороной. В соответствии с директивой № 41, подписанной Гитлером 5 апреля 1942 г., приоритетное значение отдавалось овладению крайне важными с точки зрения экономики – особенно в условиях превратившейся в затяжную войну кампании на Востоке – районами Советского Союза, в первую очередь – Северным Кавказом [143, с. 403].

В этом смысле, несомненно, решающим аргументом при выборе кавказского направления как основного в летнем наступлении на Восточном фронте стали соображения экономического плана, прежде всего вопрос о контроле за кавказской нефтью. Контроль этот являлся ключевым как для Германии, которая начинала в условиях разворачивающихся бомбардировок союзной авиацией промышленных объектов на территории рейха и его европейских сателлитов, а также непрерывно растущих расходов топлива для увеличивающегося парка военной техники испытывать первые признаки нефтяного голода, так и для СССР, который в случае утраты Северного Кавказа не только лишался источников углеводородного сырья, расположенных непосредственно на этой территории в виде майкопских и грозненских месторождений (причем последние обеспечивали Красную армию наиболее качественными видами бензина, в первую очередь – авиационного), но и оказывался отрезанным от своего важнейшего нефтяного района в Баку. Таким образом, в условиях, когда нефть юга являлась практически единственным мощным поставщиком ГСМ для Красной армии, ее потеря могла иметь фатальные последствия для исхода войны для СССР.

Географическое положение Кавказа определяет его стратегическое значение. В довоенный период через Кавказ и порты на Черном и Каспийском морях осуществлялся значительный

внешнеторговый грузооборот Советского Союза. В годы войны торговые пути, идущие через Персидский залив, Иран, Каспийское море, занимали второе место после Северного морского пути в подвозе вооружения, стратегического сырья из Соединенных Штатов и стран Британской империи.

К лету 1942 г. с потерей Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей экономическая база Советского Союза резко сузилась: выплавка стали сократилась более чем на 10 млн тонн в год; сбор зерновых – более чем в три раза; уменьшились мобилизационные ресурсы в связи с оккупацией врагом части советской территории. В создавшихся условиях оборона Кавказа приобретала для Советского государства жизненно важное значение. На долю Северного Кавказа и Закавказья приходилось 86,5 процента общесоюзной добычи нефти; 65 процентов природного газа; 56,5 процента марганцевой руды. Бакинский район давал почти три четверти всей нефти, добываемой в СССР [154, с. 6].

В свою очередь, для Гитлера чем дальше, тем больше вопрос овладения нефтяными ресурсами становился важнейшим в плане продолжения и успешного завершения войны. В этой связи вполне понятна позиция Гитлера, заявившего 1 июня 1942 г. в штаб-квартире группы армий «Юг» в Полтаве, что если он не получит нефти Майкопа и Грозного, то должен будет «ликвидировать войну» [144, с. 25].

Немаловажное значение имело и политическое значение овладения Кавказом. Это могло оказать решающее воздействие на принятие решения Турцией, соблюдавшей нейтралитет, но имевшей 26 дивизий на границе с СССР [375, с. 18]. Германия была заинтересована в скорейшем вступлении Турции в войну против СССР, активно ее к этому подталкивая, но это во многом зависело как раз от успехов немецкого оружия на Кавказе [173, с. 421].

Наконец, без овладения нефтяными ресурсами Кавказа было невозможно последующее освоение территорий, которые планировалось колонизировать на Востоке после победоносного завершения войны [374, с. 57].

Территория Ингушетии, особенно ее северная часть, представляла с точки зрения основной боевой задачи германской армии на лето – осень 1942 г. большой интерес по причине нахождения здесь одного из крупнейших и динамично развивавшихся, несмотря на свою «молодость», нефтяных месторождений Северного Кавказа – Малгобекского. Поскольку прорыв на Грозный был сопряжен с серьезными трудностями ввиду неизбежности организации советской стороной максимальной прочной обороны для удержания любой ценой этого крупнейшего из оставшихся после занятия немцами Майкопа нефтяных центров, находящихся к северу от Главного Кавказского хребта, германское военное командование не могло не уделять особого внимания овладению районом Малгобека, что из задачи промежуточной (в случае успешного развития наступления на Грозный) могло перерасти в задачу более значимую (в случае неудачи или хотя бы задержки продвижения немцев в юго-восточном направлении). Особенно важным это становилось в свете того факта, что нефтяные месторождения Майкопа советские войска успели при отходе разрушить, и лишь стремительное овладение малгобекскими промыслами могло предотвратить повторение такой ситуации. Поэтому представляется вполне закономерным сосредоточение немцами главного ударного кулака группы армий «А», наступавшей на Кавказе, – 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста (считавшегося еще со времен Французской кампании 1940 г. признанным мастером стремительных танковых прорывов) на левом фланге группы армий для броска на Грозный именно через Малгобек.

Овладение Кавказом определялось противником как одна из главнейших задач еще предыдущей кампании 1941 г. В ноябре 1941 г. войска группы армий «Юг» взяли Ростов-на-Дону, справедливо считавшийся воротами Кавказа, но контрнаступление советских войск под Ростовом в конце ноября вынудило немцев оставить город, что стало первым в ходе Второй мировой войны отступлением вермахта [131, с. 52].

Теперь с новыми силами, после перегруппировки и пополнения войска южного крыла германского Восточного фронта должны были реализовать захват Кавказа уже как основную цель кампании 1942 г.

Из двух групп армий – «А» и «Б», наступавших в рамках операции «Блау»¹ на южном крыле советско-германского фронта, именно первая пополнялась вначале максимально подготовленными, оснащенными и полностью укомплектованными по штатам личным составом и военной техникой соединениями. При этом немаловажное значение имело и то, что по национальной принадлежности личного состава эти соединения были почти исключительно немецкими, что резко повышало общую боеспособность группы армий, в отличие от соседних войсковых объединений южного крыла Восточного фронта, значительную часть которых составляли контингенты союзных вермахту армий Румынии, Венгрии, Италии и Словакии².

28 июня войска Германии и ее союзников начали операцию «Блау» – генеральное летнее наступление на южном крыле советско-германского фронта. Наступление, призванное решить исход всей кампании, развивалось стремительно. 2 июля начались бои за Воронеж, а 23 июля немцы уже во второй раз в ходе войны взяли Ростов-на-Дону. На следующий день развернулось наступление на левом берегу Дона. В этих условиях 28 июля Северо-Кавказский фронт был объединен с Южным фронтом в единый Северо-Кавказский фронт.

Между тем войска группы армий «А» хлынули на Северный Кавказ. 1-я немецкая танковая армия, продолжая теснить войска нашей 37-й армии, 5 августа захватила Ворошиловск (Ставрополь) [143, с. 459].

Противник считал, что наступление на южном участке Восточного фронта развивается более успешно, чем намечалось директивой ОКВ № 41. Такая оценка была отражена в директиве № 44 от 21 июля, которая гласила, в частности: «Неожиданно быстро и благоприятно развивающиеся операции против войск Тимошенко дают основание надеяться на то, что в скором времени удастся отрезать Советский Союз от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти и серьезно нарушить подвоз английских и американских военных материалов. Этим, а также потерей всей донецкой промышленности Советскому Союзу наносится удар, который будет иметь далеко идущие последствия» [144, с. 154].

Как указывает уже цитированный К. Типпельскирх, «в середине июля немецкие танковые армии стали наступать по разным направлениям. 4-я танковая армия, продвигаясь своим левым флангом вдоль Дона, вышла в большую излучину Дона западнее Сталинграда и в конце месяца в ходе непрерывного преследования достигла Калача и Клетской, где противник оказал энергичное сопротивление» [165, с. 310].

В этот период противник всемерно усиливает группировку своих войск для наступления непосредственно на Кавказ. Согласно приказу Гитлера от 13 июля, на кавказское направление была повернута вся 4-я танковая армия, включенная в состав группы армий «А». Первоначально нацеленная вместе с 6-й армией для удара на Сталинград, она сместилась теперь к югу, пересекла полосу наступления 6-й армии и вышла к Дону на участке от Цимлянкой до Константиновского. Немецко-фашистское командование настолько было уверено в быстром и легком захвате Сталинграда, что сочло даже возможным взять из наступавшей на сталинградском

¹ «Блау» (позднее кодовое название изменено на «Брауншвейг») – план генерального наступления войск Германии и ее союзников на южном крыле советско-германского фронта в ходе летней кампании 1942 г. Основными целями плана определялось создание предпосылок для выхода к Волге с целью перерезать транспортные и другие коммуникации, связывавшие юг СССР с центральными районами страны, и овладение Северным Кавказом с последующим прорывом в Закавказье и далее – на Ближний Восток. Последней задаче при этом отводилось приоритетное значение.

² Группа армий «А» в конце июля 1942 г. включала 4 немецкие (1-ю и 4-ю танковые, 11-ю и 17-ю полевые) и 1 румынскую (3-ю) армии. Для сравнения: группа армий «Б» – сосед группы армий «А» слева – состояла из одной немецкой (6-й полевой) и трех «союзных» (4-й румынской, 8-й итальянской и 2-й венгерской) армий.

направлении 6-й армии несколько соединений и передать их в состав армий, действовавших на других направлениях, или вывести в резерв.

С 11 по 22 июля Гитлер дал указания по ведению боевых действий на южном крыле Восточного фронта. Указания касались решения повернуть все силы группы армий «А» на юг для овладения Ростовом-на-Дону, форсировать нижнее течение реки Дон и в последующем продвигаться на Кавказ. От группы армий «Б» требовалось выдвинуться на рубеж Дона. Иначе говоря, стратегическое обеспечение «похода на Кавказ» в это время предполагалось ограничить обороной на рубеже верхнего и среднего течения Дона без проведения крупных операций восточнее реки [144, с. 155].

В директиве ставки главного командования вермахта № 45 от 23 июля 1942 г. «О продолжении операции «Браун швейг» в разделе «Задачи дальнейших операций» было сказано: «... Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, должна захватить район Грозного... В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку». В директиве прямо указывалось на «решающее значение, которое имеет нефтяная промышленность Кавказа для продолжения войны» [371, с. 43].

Уже в это время в развитие немецкого наступления на Кавказе начинает вмешиваться изменение ситуации на фронтах и начинающееся смещение акцентов в оценке приоритетов германским командованием и лично Гитлером относительно главных целей и задач летнего наступления. Речь идет прежде всего о факторе Сталинграда. Сражение за этот город, на ближние подступы к которому 6-я армия вермахта вышла уже в августе, все более привлекало взоры всего мира, хотя с точки зрения военной стратегии, экономики и политики гораздо более значимыми были как раз операции на Кавказе. Однако символическое значение Сталинграда, уже вскоре раздутое пропагандой обеих сторон и публичными высказываниями их военного и политического руководства, чем дальше, тем больше превращало их в заложников этого символа всей вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Первоначально в группу армий «А» входили две танковые армии – 1-я и 4-я. Последняя, находившаяся под командованием генерал-полковника Г. Гота, также считавшегося одним из лучших танковых командиров вермахта, 13 июля, как уже отмечалось выше, была переведена в подчинение группы армий «А» с целью поддержки наступления на Кавказ.

При этом на момент переподчинения армия действовала на крайнем левом фланге группы армий «А», являясь непосредственной соседкой слева 1-й танковой армии Клейста. Таким образом, в случае сохранения такого боевого порядка группы армий «А» в конце августа – в сентябре 1942 г., на направлении главного удара через Малгобек на Грозный, ее командующий фельдмаршал Лист располагал бы на этом важнейшем участке двумя полнокровными танковыми соединениями, в совокупности составлявшими почти половину всех немецких подвижных соединений на Восточном фронте и тем самым первым из немецких командующих после завершения Битвы под Москвой мог оперировать на решающем направлении столь крупной группировкой бронетанковых войск [159, с. 326]. Разумеется, столь солидная боевая сила, как 4-я танковая армия (включавшая 3 корпуса в составе 8 дивизий), значительно усилила бы ударный кулак группы армий «А» и резко повысила бы его пробивную способность. Однако после того, как вышедшая 17 июля в большую излучину Дона 6-я армия не смогла в течение второй половины июля совершить бросок к Сталинграду (все более привлекавшему к себе внимание Гитлера и его ближайшего политического и отчасти военного окружения как в силу военно-стратегического значения, будучи важнейшим перевалочным пунктом на коммуникациях между южными и центральными областями Советского Союза, так и в плане морально-психологического значения овладения городом, носящим имя Сталина), с подачи фюрера принимается крайне сомнительное с военной точки зрения решение о перераспределении сил и средств между группами армий «А» и «Б».

1 августа 4-я танковая армия была по приказу Гитлера передана в состав группы армий «Б» и повернута на Сталинград, который все более отвлекал внимание нацистского фюрера от вполне логично выбранного им главным в начале летнего наступления кавказского направления. Таким образом, еще в июле 1-я танковая армия была усилена частями 4-й танковой армии за счет группы армий «Б», а теперь она должна была отдать обратно большую часть своей зенитной артиллерии, несколько моторизованных дивизий и все авиационные части [165, с. 322]. Этот поворот, по сути, послужил началом смены приоритетов во взглядах нацистской военно-политической верхушки на летнюю кампанию 1942 г.

Однако в то же время в Берлине отнюдь не собирались отказываться от продолжения наступления на Кавказе. Более того, возможно, Гитлера ввела в заблуждение та относительная быстрота, с которой были достигнуты прорывы группы армий «А» к Ростову и далее на юго-восток и юг, к Краснодару и Майкопскому нефтяному району в конце июля и первой половине августа 1942 г. Это позволяют предположить свидетельства некоторых лиц из ближайшего окружения Гитлера о событиях лета 1942 г. Так, бывший рейхсминистр вооружений и боеприпасов А. Шпеер – в то время один из наиболее приближенных к Гитлеру деятелей Третьего рейха, в своих воспоминаниях говорит о встрече Гитлера в его ставке с особо отличившимися офицерами-фронтовиками, принимавшими участие в прорыве к Тереку. Во время этой встречи один из офицеров высказался в том смысле, что дальнейшему стремительному продолжению наступления помешала лишь задержка с подвозом боеприпасов, что произвело сильное впечатление на нацистского фюрера, приказавшего немедленно принять меры по недопущению впредь подобных задержек [79, с. 407].

Действительно, дела на Кавказе в августе для противника развивались вполне обнадеживающе. Краснодар, Майкоп, Ворошиловск, Пятигорск, Элиста один за другим переходили под контроль наступающего вермахта. В последние дни июля была осуществлена переправа через Маныч. Как пишет К. Типпельскирх, «6 августа подвижные соединения, почти не встречавшие сопротивления, вышли к железной дороге Ейск – Баку на участке от Ейска до Армавира. Вскоре после этого немецкие передовые отряды достигли Кубани. 8 августа был захвачен Майкоп – первый, самый маленький и основательно разрушенный советскими войсками при отходе нефтяной район. Одновременно два танковых корпуса севернее среднего течения Кубани повернули на юго-восток, чтобы продвигаться к более важной цели – району Грозного» [165, с. 321].

Перевод 4-й танковой армии на сталинградское направление, казалось, не слишком ослабил вначале наступательный порыв и возможности группы армий «А». Об этом говорил тот факт, что такие победы, как взятие Майкопа, Краснодара, выход к Баксану, Тереку и кавказским перевалам, были достигнуты в течение августа, то есть уже после переподчинения армии Гота группе армий «Б». Однако подлинное значение нахождения в составе группы армий «А» 4-й танковой армии должно было стать очевидным позднее – на решающей стадии броска к грозненской нефти, а именно – в ходе битвы за Малгобек.

Таким образом, 4-я танковая армия на начальном этапе операции «Блау» выступала в роли резерва, призванного усилить тот участок фронта, который будет выбран приоритетным. Однако в силу вышеприведенных доводов представляется правильным считать главной причиной ее перевода не столько утратой Гитлером интереса к кавказскому направлению или даже снижению значения последнего в оперативных планах немецкого руководства, сколько присутствующую фюреру переоценку успехов своих армий на кавказском направлении в июле – августе и стремление быстро и легко добиться аналогичных успехов под Сталинградом.

Тем не менее в ставке Гитлера в это время, как представляется, более или менее трезво оценивали возможности своей группировки на Кавказе. В соответствии с указаниями, данными 31 августа Гитлером относительно дальнейших действий группы армий «А» ее командующему Листу и записанными в дневнике начальника Генштаба Ф. Гальдера, «главной задачей

1-й танковой армии определяется уничтожение противника в излучине Терека». Далее Гитлер потребовал «всеми имеющимися силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный, чтобы наложить руку на район нефтепромыслов» [58, с. 333].

Военно-экономическое и военно-стратегическое значение Малгобека к началу осени 1942 г.

К концу августа 1942 г. линия фронта неумолимо приближалась к границам Ингушетии. В силу географической малости ее территории она практически целиком могла рассматриваться как прифронтовая полоса. Тем не менее уже к исходу августа стало ясно, какой части Ингушетии суждено первой стать театром военных действий в полном смысле этого грозного понятия. Это нелегкое бремя выпало на долю Малгобекского района и самого города Малгобека.

Современный Малгобек – второй по территории и численности населения город Республики Ингушетия. В наши дни население города составляет 31 076 человек по данным переписи 2010 г. (с пригородами – 42 тыс. человек) [114; 84, с. 5].

В 1942 г. Малгобек – это маленький городок нефтяников, который до событий на фронте осенью 1942 г. вряд ли был известен стране, за пределами узкого круга интересующихся достижениями экономики и профильных специалистов по нефтедобыче.

Малгобек-Горское нефтяное месторождение было открыто еще в 1915 г. Однако активная его разработка началась лишь в 30-х гг. В августе 1933 г. из скважины № 13 с глубины 1085 м, пробуренной бригадой Кабира Тайзетдинова, ударил мощный фонтан нефти, с дебетом 600 тонн в сутки [118].

Статус города Малгобек получил 27 августа 1939 г., когда Указом Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Малгобек был преобразован в одноименный город. На тот момент его население составляло 12 419 человек. Однако одним из важных пунктов на «нефтяной» карте страны он стал еще шестью годами ранее – в 1933 г. В том году началось строительство 32 вышек первой очереди. В 1933 г. здесь уже находились в эксплуатации три скважины – № 8, 11 и 13, дававшие ежедневно соответственно 25, 50 и 180 тонн нефти. Добытое сырье транспортировалось по временному нефтепроводу через Бековичи к центральной нефтекачке Артемовского района в Холодной балке, а оттуда по существовавшему нефтепроводу в Моздок. Высокое качество нефтяного сырья, которое сразу обнаружили Малгобекские нефтяные месторождения, побуждало руководителей советской нефтяной промышленности активизировать развитие здесь нефтедобычи. Уже в 1934 г. количество станков в бурении здесь доводится до 80. Такой объем бурения обеспечил вступление в эксплуатацию до конца 1934 г. 75 скважин [180].

В четвертом квартале 1933 г. здесь работало уже около 3 тыс. человек. Развернулось оживленное жилищное строительство [180].

В Малгобеке было решено построить шоссейную дорогу от буровых № 13 и 14, расположенных на западной оконечности малгобекских залегающих, до Вознесенской, соединив эту дорогу с существующей дорогой, идущей от Орджоникидзе к Моздоку. Впоследствии эта дорога, именуемая противником Военно-Грузинской, будет постоянно фигурировать в немецких штабных документах периода битвы за Малгобек.

Одновременно встал вопрос и о строительстве железной дороги. Для прокладки железнодорожных путей (пока узкой колеи) разрабатывались два варианта: Плиево – Малгобек и Моздок – Малгобек. В итоге был выбран второй вариант. Эта транспортная артерия также стала одним из важнейших пунктов советско-германского противостояния под Малгобеком осенью 1942 г.

Потребность бурно развивающейся промышленности страны в предвоенные годы в нефти и нефтепродуктах предопределила и относительно быстрое развитие города и превращение его в один из признанных нефтедобывающих центров страны. Нефтедобыча росла,

и с каждым годом в окрестностях Малгобека появлялись все новые и новые нефтяные вышки [118].

Начавшаяся война превратила маленький городок, затерянный в притеречных степях, из одного из звеньев нефтедобычи советского Юга в ключевой стратегический пункт. Бушевавшая третий год Вторая мировая война по праву была названа войной моторов. Потребности воюющих армий в «крови войны» – нефти и нефтепродуктах были исключительно велики и непрерывно росли. Имеющиеся в распоряжении воюющих сторон производственные мощности не справлялись с нуждами их сражающихся войск. Каждое нефтяное месторождение, каждая скважина в этих условиях были буквально на вес золота.

Уже летом 1941 г. трест «Малгобекнефть» организовал форсированное разбуривание участка Бори-Су, перевод скважин на плунжерный лифт, быстро решал вопросы ввода скважин из бездействующих в действующие. Ряд специалистов из аппарата треста пошли работать мастерами бригад по добыче нефти. Это положительно отразилось на работе промыслов. Трест «Малгобекнефть» в результате стал увеличивать добычу нефти. В июле среднесуточная добыча нефти возросла по сравнению с июнем на 305 тонн, в августе – на 599 тонн, в сентябре – на 607 тонн. По сравнению с январем 1941 г. в августе добыча нефти в Малгобеке выросла на 1627 тонн. Это позволило тресту уже в сентябре 1941 г. выполнить годовое задание и сэкономить 7 млн рублей [140, с. 39].

Малгобекские буровики оказались зачинателями скоростного бурения скважин в СССР. За семь месяцев 1941 г. они пробурили 38 скважин со скоростью на станок от 3 до 4 тыс. метров и 5 скважин со скоростью до 6 тыс. метров в месяц. Ранее на промыслах «Грознефти» этот показатель не превышал 400–500 метров на станок в месяц. Коллектив конторы бурения «Малгобекнефти» был в итоге признан лучшей конторой бурения Советского Союза за 1941 г. [134, с. 137]. В условиях тяжелой войны, которую вела страна, и той острейшей потребности в нефти и продуктах ее переработки, которая существовала в той обстановке, трудно переоценить значимость подобного признания со стороны советского руководства успехов нефтяников Малгобека.

За достигнутые успехи в деле обеспечения действующей армии нефтью и нефтепродуктами 6 февраля 1942 года промыслы города Малгобека были удостоены высшей государственной награды – ордена Ленина [145, с. 391].

Вышеприведенные факты красноречиво свидетельствуют о той военно-экономической значимости, которую имел Малгобек к осени 1942 г. Каково же было его военно-стратегическое значение в целом?

Этот аспект значения Малгобека в ходе битвы за Кавказ также трудно переоценить. Само географическое расположение города превращало его в важнейший, если не сказать – ключевой пункт всей системы советской обороны в центральной части Северного Кавказа и конкретнее – на подступах к грозненским нефтепромыслам.

Малгобек располагается в северной части Ингушетии, которая, как и прилегающие районы Чечни, Ставрополя, Кабардино-Балкарии, отличается степным, преимущественно безлесным ландшафтом. Как раз такой тип местности оптимально подходил для ведения наступательных действий с использованием танковых и моторизованных соединений, которые являлись движущей силой гитлеровского блицкрига. Именно широкое использование танков и мотопехоты в тесном взаимодействии с авиацией было залогом успехов нацистской военной машины на протяжении всех предшествующих лет Второй мировой войны. В этом на собственном горьком опыте пришлось убедиться командованию и войскам РККА в кампании предыдущего 1941 г. – первом опыте противостояния с первоклассной высокотехнологичной машиной вермахта, так дорого обошедшемся Советскому Союзу и его вооруженным силам. В этом же убеждалось советское командование и советские войска и во вторую летнюю кампанию Великой Отечественной войны. Генеральное наступление вермахта на южном крыле советско-гер-

манского фронта развивалось столь успешно также в основном за счет умелого использования в причерноморских и придонских степях массированных действий танков, моторизованных частей и авиации. Однако добиться на данном этапе захвата в целостности нефтяных месторождений Майкопа немцам, как уже указывалось выше, не удалось.

После разрушения отступающими советскими войсками майкопских месторождений (и тем самым потери первого «нефтяного» приза, который рассчитывало получить командование вермахта) – вектор немецкого генерального наступления в летне-осенней кампании 1942 г. имел четкую направленность на оставшиеся нефтяные районы советского юга, пролегая чуть ли не по отчетливо различимой прямой: Малгобек – Грозный – Баку. И здесь, на первый взгляд, должна была повториться та же ситуация – степной ландшафт, казалось бы, должен был способствовать дальнейшим успехам наступающих.

Однако рельеф степи в окрестностях Малгобека совсем другой, чем поля и равнинные возвышенности Западного Кавказа. Характер местности в Северной Ингушетии отличается обилие холмов-сопок (в большинстве входящих в систему среднегорной гряды Терского хребта), склоны которых изрезаны балками, оврагами, лощинами. Такие естественные препятствия, с одной стороны, выступали к качеству своего рода волноломов наступления, расчлняя фронт атаки и препятствуя маневру, а также не позволяя визуально охватить все поле сражения на большом пространстве. С другой стороны, первостепенную важность приобретал контроль за господствующими высотами, что самым непосредственным образом отразилось затем на ходе боев за Малгобек и прилегающие к городу территории.

Сам город, раскинувшийся тогда всего несколькими кварталами на склонах Терского хребта, занимал ключевое положение, находясь точно на входе в Алханчуртскую долину. Долина, ограниченная с северо-востока и юго-запада двумя параллельными грядами холмов, служит естественным проходом сквозь среднегорные Терский и Сунженский хребты в равнинные районы нынешней Северной Чечни и далее к Грозному. Таким образом, с полным основанием можно назвать Алханчуртскую долину воротами Грозного. С не меньшим основанием можно охарактеризовать Малгобек как засов на этих воротах. Теперь задачей наступающих немецких войск было как можно скорее взломать этот «засов», а главной целью обороняющихся в этом районе советских сил, напротив, – добиться того, чтобы он стал для врага неприступным.

Таким образом, к исходу августа немцы, захватив Моздок и Прохладный, вышли к левому берегу рек Терек и Баксан и приступили к подготовке удара из района Моздока на Малгобек. Моздок при всей важности овладения этим значимым объектом служил не более чем плацдармом, трамплином для дальнейшего прорыва через Малгобек на Грозный. Зато захват Малгобека являлся, если подходить с разных точек зрения, не только промежуточным успехом для развития дальнейшего наступления на Грозный и его мощнейший промышленный район, но и, в случае каких-либо пробуксовок в ходе осуществления этого плана, вполне ощутимой и результативной победой в смысле обеспечения нефтью и продуктами ее переработки испытывавших первые (пока еще незначительные) признаки нехватки горючего немецких фронтовых частей.

Это обеспечивалось наличием вокруг Малгобека крупного и мало разработанного нефтеносного района. После неудачи с захватом в эксплуатационной исправности майкопских месторождений немецкая сторона не могла не уделять особого внимания именно этой стороне дела. Командующий действовавшей на малгобекском направлении 1-й танковой армией вермахта генерал-полковник Э. фон Клейст отдал приказ штурмовать Малгобек таким внезапным ударом, чтобы уцелели нефтепромыслы, и немедленно организовать добычу нефти [170, с. 8]. В распоряжении наступавшего на Малгобек 52-го армейского корпуса находилась бригада нефтяников [263, f. 75]. По некоторым данным, всего в обозе армии Клейста находились до пяти

тысяч специалистов и квалифицированных рабочих, которые должны были после взятия Малгобека начать эксплуатацию промышленности и нефтяных скважин [83, с. 26].

По итогам совещания Гитлера с командующим группой армий «А» генерал-фельдмаршалом В. Листом 31 августа в ставке фюрера Гальдер помечает у себя в дневнике: «Главная задача 1-й танковой армии – уничтожение противника в излучине Терека» [58, с. 333].

20-е числа августа 1942 г. можно с полным на то основанием назвать апогеем немецких побед на южном, главном в то лето, крыле Восточного фронта. Взятие Моздока и выход к Тереку увенчали целую вереницу успехов вермахта, среди которых – водружение имперского военного флага на Эльбрусе горными стрелками дивизии «Эдельвейс» (22 августа), прорыв танков 6-й армии Паулюса к Волге (23 августа) и ковровая бомбардировка Сталинграда 4-м воздушным флотом (23–24 августа). Вместе с тем в условиях эйфории, охватившей руководство вермахта и нацистской Германии в целом в эти дни, в немецких штабах раздавались и более трезвые оценки военной ситуации, складывавшейся на берегах Терека, и возможностей советской обороны. Так, 27 августа подполковник Генерального штаба Кремер извещал командование 13-й танковой дивизии: «Необходимо учесть то, что противник упорно обороняет реку Терек и ведет непрерывные контратаки, имеющие целью охранение нефтяных районов Грозный – Баку. Несмотря на превосходство нашей авиации и удобную для танков местность, не следует забывать, что советское командование располагает в Закавказье большими резервами, которые еще не введены в бой, и что город Грозный, объект нашего удара, имеет тройное кольцо укреплений» [77, с. 182].

В свою очередь, советское командование понимало, что в случае достижения немцами стремительного успеха на малгобекском направлении они не только выполнят промежуточную задачу по овладению нефтяным районом Малгобека и вплотную приблизятся к реализации главной задачи наступления на Северном Кавказе – захвата Грозного, но и поставят на грань военной катастрофы весь советский фронт в северных предгорьях Главного Кавказского хребта и по Черноморскому побережью Кавказа. Прорыв через Алханчуртские ворота к Грозному и далее к горам Большого Кавказа позволял немцам еще до выхода к Дербенту с последующим броском на Баку поставить перед угрозой окружения и уничтожения основные силы всего Закавказского фронта между Грозным и Новороссийском. Советский укрепрайон вокруг Орджоникидзе, прикрывавший с севера Военно-Грузинскую дорогу, при этом подвергся бы трехстороннему наступлению с севера, востока и запада и шансы на удержание его в этом случае резко снижались, поскольку возникли бы совершенно иные оперативные и стратегические предпосылки развития ситуации, чем те, которые позволили в итоге отстоять Орджоникидзе в октябре – ноябре 1942 г., когда германское наступление на Грозный через Малгобек уже захлебнулось. Одним словом, в случае достижения 1-й танковой армией в ходе ее генерального наступления в сентябре 1942 г. решающего успеха на малгобекском направлении СССР становился перед реальной угрозой вторжения германских войск в Закавказье по нескольким направлениям еще до конца осени 1942 г. со всеми последствиями такого вторжения для Советского государства в военном, политическом, экономическом и морально-психологическом отношении.

В случае же удержания Малгобека и недопущения прорыва к Грозному наступающих войск группы армий «А» с последующей организацией жесткой обороны на правом берегу Терека военная ситуация ощутимо менялась в пользу советской стороны. Время работало на нее, и всякая задержка немецкого наступления, особенно в сухое и теплое время года, когда вермахт мог максимально использовать преимущества своих «коронных» родов войск – авиации и мотомеханизированных частей, объективно способствовала возвращению стратегической инициативы в руки советского командования. Более того, по мере все большего затягивания немецкой наступательной операции неизбежно должен был обостряться уже чувствовавшийся вермахтом нефтяной голод, который во многом был главным стимулятором

военной активности противника именно на этом направлении. Сохранение по возможности в целости и продолжение работы нефтяных промыслов было важно не только для немцев, изо всех сил стремившихся захватить их, но и для советской стороны, не менее упорно пытавшейся их удержать.

Перед схваткой: расстановка и соотношение сил и средств сторон накануне начала Малгобекской оборонительной операции

Советское Верховное главнокомандование возложило оборону Кавказа на войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов [144, с. 198].

Из резерва Ставки в Закавказский фронт непрерывно вливались свежие силы: например, с 6 августа по сентябрь фронту было передано два гвардейских стрелковых корпуса и 11 отдельных стрелковых бригад. В его распоряжение выделили 840 автомашин. Усиливались авиационная поддержка, противотанковая оборона.

10 августа 1942 г. на базе управления Донской оперативной группы войск была образована решением Ставки Северная группа войск Закавказского фронта. На следующий день, 11 августа, Донская группа Северо-Кавказского фронта была подчинена Северной группе войск Закавказского фронта. Штаб Северной группы войск разместился в Грозном, что лишний раз подчеркивало особое внимание командования к прикрытию бакинского направления и подступов к Грозному [71, с. 101].

Командующим Северной группой войск был назначен генерал И. И. Масленников. За спиной этого военачальника был большой боевой и жизненный опыт. Он участвовал в Гражданской войне, в борьбе с басмачеством [74, с. 16]. В 1939–1943 гг. Масленников занимал пост заместителя народного комиссара внутренних дел СССР по войскам. С началом войны командовал 29-й и 39-й армиями, хорошо проявил себя в Смоленском сражении, в битве под Москвой. Вместе с богатым боевым опытом Иван Иванович приобрел и два ранения. Грузноватый, с колючим взглядом настороженно глядящих на собеседника глаз, Масленников имел репутацию жесткого командира. Генерал К. А. Вершинин, командующий 4-й воздушной армией, прикрывавшей войска Северной группы с воздуха, так вспоминал о Масленникове: «Человек крутого, а порой и весьма сурового нрава. Возможно, эта черта его характера объяснялась критическим положением, в котором находились наши войска на подступах к Главному Кавказскому хребту» [57, с. 162].

В состав Северной группы войск вошли 9, 37, 44, 58-я армии. Последняя была сформирована буквально накануне сражения, включив 317-ю, 328-ю, 337-ю стрелковые дивизии, 3-ю стрелковую бригаду и Махачкалинскую стрелковую дивизию НКВД, а также 136-й артиллерийский и 1147-й гаубичный полки. На момент начала Малгобекской оборонительной операции она находилась в районе Махачкалы на стадии формирования и составляла второй эшелон группы войск [131, с. 105].

Левый фланг Северной группы войск занимала 37-я армия под командованием генерал-майора П. М. Козлова. В ее состав входили 2-я гвардейская, 275, 392, 295-я стрелковые дивизии и 11-я стрелковая дивизия войск НКВД. Армия держала оборону по реке Баксан.

Правый фланг группы обеспечивала 44-я армия генерал-майора И. Е. Петрова в составе 213, 414, 416-й стрелковых дивизий, 30-й и 110-й кавалерийских дивизий, 9, 10, 60, 84, 256-й стрелковых бригад. Армия развернулась на фронте Бирючек, Аду-Юрт. Обе кавалерийские дивизии предназначались для обороны железной дороги Кизляр – Астрахань [131, с. 104].

Кроме этого, Ставка приказала командующему Закавказским фронтом использовать для обороны железной дороги Кизляр – Астрахань выделенные в распоряжение командующего Закавказским фронтом три дивизиона бронепоездов, усилив их пехотными десантами и подвижными отрядами, действующими вдоль линии железной дороги.

Основную тяжесть противостояния первому, наиболее мощному, удару врага на малгобекском направлении предстояло вынести войскам 9-й армии. На момент начала Малгобек-

ской операции она еще находилась под командованием генерал-майора Марцинкевича. Но уже 3 сентября она перешла под командование генерал-майора К. А. Коротеева. Начальником штаба армии был полковник А. Н. Коломинов, членом военного совета – дивизионный комиссар С. Е. Колонин. На 1 сентября 1942 г. 9-я армия включала 11-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерала И. П. Рослого (8, 9, 10-я гвардейские стрелковые бригады), 151, 176, 389, 417-ю стрелковые дивизии, 62-ю морскую стрелковую бригаду [131, с. 105]³.

9-я армия относилась к числу советских войсковых объединений с самой тяжелой судьбой. Поражения первого года войны редко обходили ее стороной. Тяжелейшие оборонительные бои в Молдавии, в приморской части Украины, неудачная для советских войск битва под Харьковом, трагическое отступление на Северный Кавказ по пыльным степным дорогам летом 1942 г. – все это тот нелегкий груз горького военного опыта, который вынесли из более чем года боев бойцы и командиры 9-й армии. Современные исследователи справедливо указывают, что «поражений она имела больше, чем побед» [168, с. 11]. Теперь армия оказалась на острие удара одной из самых мощных группировок вермахта на советско-германском фронте и должна была напрячь все силы, чтобы справиться с исключительно важной задачей, которой, казалось бы, не соответствовали ни ее послужной список, ни ее наличная мощь, – предотвратить быстрый прорыв врага на грозненском направлении и потерю жизненно необходимой стране нефти советского юга. Забегая впе ред, следует сказать, что справилась с этой задачей армия неожиданно успешно. В немалой степени это являлось заслугой ее нового командующего К. А. Коротеева, который принял армию уже на второй день Малгобекской операции.

Командарм Коротеев был старым солдатом – военную карьеру он начал в 15-летнем возрасте – в 1916 г., подносчиком снарядов. Прошел всю Первую мировую и Гражданскую войны. После завершения последней Константин Аполлонович Коротеев сделал блестящую карьеру в РККА, дослужившись от командира взвода до командующего армией. Принимал участие в военной операции Красной армии в Западной Белоруссии и Западной Украине («освободительном походе») сентября 1939 г., а также принял самое активное участие в «зимней войне» с Финляндией 1939–1940 гг., в ходе которой Коротеев командовал левофланговой группой войск 15-й армии.

К началу Великой Отечественной войны Коротеев занимает пост командира 55-го стрелкового корпуса в Киевском военном округе. Корпус Коротеева оборонялся на Украине, прикрывая в составе 37-й армии (которой тогда командовал печально известный впоследствии А. А. Власов – будущий организатор РОА) киевское направление. Уже тогда его войска вели бои с танками Клейста, и тогда же, в сентябре 1941 г., в составе 37-й армии корпус Коротеева попал в Киевский котел. Коротееву с небольшой группой бойцов удалось прорваться из окружения и выйти к своим. В октябре 1941 г. он командует уже 12-й армией Южного фронта, с которой сражается в Донбассе и под Ростовом. С марта 1942 г. Коротеев – помощник командующего Южным фронтом, а со 2 августа 1942 г. – командир 11-го гвардейского стрелкового корпуса. С этой должности он и был переведен в начале сентября на пост командующего 9-й армией, которой предстояло сыграть важнейшую роль в обороне Малгобека [119].

Жесткий, волевой, требовательный командир жуковской школы, Коротеев оказался незаменимым для создания эффективной системы командования советскими силами при организации обороны на малгобекском направлении.

Сменивший Коротеева на посту командира корпуса генерал Иван Павлович Рослый также принадлежал к плеяде выдвинутых войной способных советских военачальников. Выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе, Рослый так же, как и Коротеев, был участником «освободительного похода» в Западную Белоруссию и Западную Украину в сентябре 1939 г. и советско-финской войны 1939–1940 гг. В ходе «зимней войны» при штурме линии

³ Подробно о боевом расписании 9-й армии на момент начала Малгобекской оборонительной операции см. приложение 1.

Маннергейма 245-й стрелковый полк, которым командовал Рослый, первым среди частей 123-й дивизии 7-й армии прорвал полосу финских укреплений на выборгском направлении, за что был награжден орденом Красного Знамени (дивизия, успех которой он обеспечил, награждена орденом Ленина). Сам Рослый получил звание полковника и закончил Финскую кампанию уже с «Золотой Звездой» Героя Советского Союза [69, с. 49]. Боевые соратники уже тогда характеризовали его как «спокойного, выдержанного командира, человека большой культуры и прекрасного организатора» [55, с. 17].

В сражениях Великой Отечественной войны Рослый участвует с сентября 1941 г. в должности командира 4-й стрелковой дивизии. Дивизия воевала в Донбассе, в ходе боев в октябре 1941 г. попала в окружение, но молодой комдив сумел вывести ее из котла. В мае 1942 г. И. Рослому присвоено звание генерал-майора, а спустя три месяца он вступил в должность командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса, который прикрывал самое уязвимое направление в ходе начального этапа Малгобекской операции – дорогу Моздок – Вознесенская и прилегающую к ней местность. Войну И. П. Рослый окончил в чине генерал-лейтенанта на посту командира 9-го стрелкового корпуса [84, с. 610]. Уже после окончания военных действий ему была оказана высокая честь: на Параде Победы 24 июня 1945 г. герой боев за Малгобек генерал-лейтенант И. П. Рослый возглавлял сводный полк 1-го Белорусского фронта [68, с. 178].

11-й гвардейский стрелковый корпус начал формироваться в первых числах августа в районе Орджоникидзе. В его состав вошли 8, 9 и 10-я гвардейские стрелковые бригады, укомплектованные личным составом воздушно-десантных частей; парашютисты-десантники стали теперь пехотинцами. Несколько позже в состав корпуса были включены 62-я морская стрелковая бригада, 98-й гвардейский артиллерийский полк, 47-й истребительно-противотанковый дивизион, 52-й и 513-й минометные дивизионы, 54-й пулеметный батальон и части обслуживания [71, с. 102].

Среди командиров дивизий корпуса Рослого были и репрессированные в годы Большого террора, но бесстрашно и самоотверженно дравшиеся на фронтах после освобождения из сталинских застенков. Одним из них был командир 176-й стрелковой дивизии полковник Иван Андреевич Рубанюк, в конце 30-х гг. необоснованно репрессированный и только накануне войны освобожденный из застенков НКВД [172, с. 367]. Рубанюка как командира отличала забота о бойцах, стремление быть ближе к ним перед боем и в ходе боя. Он не относился к категории военачальников, руководящих войсками из штабного блиндажа. «Иван Андреевич Рубанюк считал необходимым перед боем повидаться с командирами батальонов, побывать в ротах, поговорить с бойцами», – вспоминали хорошо знавшие его боевые соратники [60, с. 97].

В начале войны он командовал 591-м стрелковым полком 176-й дивизии, а в августе 1942 г. возглавил саму дивизию. В последующие полтора месяца пехотинцы Рубанюка совместно с танкистами и артиллеристами неоднократно определяли успех советской обороны в самые критические моменты сражения за Малгобек. Волевые качества, решительность и военный профессионализм Рубанюка как командира сыграли в этом далеко не последнюю роль. Малгобекская оборонительная операция стала в какой-то мере звездным часом Рубанюка. В октябре 1942 г. он – уже командир 11-го гвардейского стрелкового корпуса. 11 ноября 1942 г. ему присвоено воинское звание генерал-майора. Войну Иван Андреевич закончил в звании генерал-лейтенанта и командира 10-го стрелкового корпуса [172, с. 368].

Еще один командир дивизии (правда, занявший этот пост уже после начала битвы за Малгобек) в составе 9-й армии был репрессирован уже после войны. А пока ветеран Гражданской войны Григорий Осипович Ляскин, с началом Великой Отечественной войны последовательно занимавший должности начальника штаба 341-й стрелковой дивизии, заместителя командира 140-й стрелковой дивизии, заместителя начальника штаба 9-й армии, в начале сентября 1942 г. был заместителем командира 417-й стрелковой дивизии. С 19 сентября 1941 г. он возглавил

дивизию. Впоследствии с декабря 1942 г. Ляскин командовал другой отличившейся в боях под Малгобеком частью – 62-й отдельной морской стрелковой бригадой, а с марта 1943 г. – 337-й стрелковой дивизией, также принявшей участие в сражениях за Малгобек осенью 1942 г. «Во всех боях, а также командуя 337-й стрелковой дивизией, полковник т. Ляскин показал себя как опытный и решительный командир», – говорилось в Наградном листе. С февраля 1944 г. до конца войны Г. О. Ляскин – командир 191-й стрелковой дивизии. Как говорилось выше, уже в послевоенный период он был репрессирован, но после смерти Сталина реабилитирован [107].

Судьба еще одного комдива 9-й армии – С. К. Буняченко сложилась особенно драматично. Сергей Кузьмич Буняченко в апреле 1918 г. вступил добровольцем в РККА, участвовал в Гражданской войне и борьбе с басмачами. Образование он получил в Высшей военной школе в Киеве и кузнице командных кадров РККА – Военной академии имени М. В. Фрунзе, которую окончил в 1935 г. Буняченко участвовал в подавлении повстанческого движения на Украине во время Гражданской войны, а также боях с басмачами. Тем не менее он был одним из самых строптивых советских командиров среднего звена в плане отношения к политике, проводимой сталинским руководством в предвоенные годы. В 1937 г. за критические высказывания о коллективизации исключен из ВКП(б), затем восстановлен со строгим выговором. В 1938 г. Буняченко участвовал в военных действиях на озере Хасан в качестве помощника начальника штаба 34-го стрелкового корпуса. С началом Великой Отечественной войны он был назначен начальником штаба 26-го стрелкового корпуса. С 30 марта 1942 г. полковник Буняченко стал командиром 389-й стрелковой дивизии, которая вошла в состав Северной группы войск в августе 1942 г. 31 августа 1942 г. за невыполнение приказа о взрыве моста на участке Моздок – Червленое Буняченко был отстранен от командования, арестован и отдан под суд. 2 сентября 1942 г. приговорен военным трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта к расстрелу, с заменой приговора 10 годами лагерей с отбытием наказания после окончания войны. Уже в разгар битвы за Малгобек, 7 октября 1942 г., Буняченко стал командиром 59-й бригады – соединения, на долю которого выпали одни из самых тяжелых боев в ходе Малгобекской оборонительной операции [138, с. 79].

По завершении Малгобекской оборонительной операции последующая судьба Буняченко была не менее трагична. В ноябре 1942 г. его 59-я бригада была практически полностью уничтожена, а Буняченко – обвинен во вредительстве. 5 декабря 1942 г. он был захвачен в плен разведгруппой 2-й румынской пехотной дивизии. Будучи в плену, в июне 1943 г. Буняченко подал заявление о вступлении в ряды Русской освободительной армии (РОА). В армии Власова Буняченко быстро сделал карьеру и 10 ноября 1944 г. был назначен командиром 1-й дивизии вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР). Во главе дивизии участвовал в боях с советскими войсками на Одере и в Чехословакии (в районе Праги). После начала Пражского восстания в начале мая 1945 г. Буняченко со своими войсками присоединился к восставшим. Считается, что своими действиями в мае 1945 г. он, по сути, спас Прагу от разрушения нацистами и тысячи пражан от гибели. В мае 1945 г. он сдался американцам и 15 мая был ими передан представителям советской контрразведки. На процессе по делу РОА (вместе с Власовым) приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и повешен [106].

Каковы бы ни были действия Буняченко после завершения боев за Малгобек, следует признать, что в период этого сражения находившиеся под его командованием части сыграли важную роль в ходе всей оборонительной операции.

Одним из самых решительных и способных командиров советских войск под Малгобеком был Серафим Павлович Кудинов, командир 62-й морской стрелковой бригады, передислоцированной на Кавказ из района Старой Руссы в августе 1942 г. [125, с. 436]. Возглавив бригаду в марте 1942 г. вместо погибшего в боях под Москвой первого ее командира, полков-

ника В. Рогова, Кудинов смог организовать свое соединение, состоявшее из советских морских пехотинцев, в эффективный и надежный заслон на пути немецких атак сначала севернее Вознесенской (морская бригада, составляя второй эшелон 11-го гвардейского корпуса, занимала важнейший участок обороны в районе селений Красная Горка и Чеченская Балка), а затем – непосредственно в районе Малгобека, прикрывая его с юго-запада. На протяжении всего сражения Кудинов уверенно и хладнокровно руководил действиями своих подчиненных, которые, по выражению современного исследователя, «сражались даже с какой-то неистовостью» [154, с. 90], снискавшей им уважение как своих товарищей, так и врагов.

Одним из самых молодых (в 1942 г. ему исполнился всего 31 год) и наиболее отличившихся в ходе боев под Малгобеком советских командиров был майор Владимир Филиппов.

Владимир Иванович Филиппов находился в рядах РККА с 1929 г. В 1936 г. окончил Курсы усовершенствования командного состава краснознаменного военного факультета Государственного центрального института физической культуры имени В. И. Ленина и был инструктором физической подготовки танковой бригады, а затем служил на различных командных должностях. Как и Рослый, Филиппов был участником похода в Западную Белоруссию в 1939 г. и финской войны 1939–1940 гг. В 1941–1945 гг. был в действующей армии на должностях командира танкового батальона, танковой бригады и командующим бронетанковыми и механизированными войсками 4-й ударной армии. Трижды был ранен и дважды контужен. Встретив начало сражения за Малгобек в чине майора, к концу этой битвы он получил звание подполковника [116]. Войну Филиппов закончил генерал-майором.

Занимая на момент начала сражения должность заместителя командира 52-й танковой бригады, стоявшей на тот момент в резерве в районе Грозного, Филиппов уже 10 сентября принял командование бригадой при драматических обстоятельствах, о чем подробнее будет сказано ниже. Оставаясь на посту комбрига до конца Малгобекской оборонительной операции, он проявил недюжинные способности умелого организатора и руководителя как оборонительных, так и наступательных действий своего соединения.

В. И. Филиппов был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Уже после окончания войны в 1956–1959 гг. он был начальником краснознаменного Военного института физической культуры и спорта имени В. И. Ленина. В 1962–1968 гг. В. И. Филиппов занимал пост председателя Спортивного комитета Министерства обороны СССР. В начале 1970 г. вышел в отставку.

В соответствии с приказом по тылу 9-й армии № 0022 от 6 сентября 1942 г. районом базирования армии определялся участок железной дороги Грозный (иск.) – Назрань. Армейская база размещалась в районе ст. Серноводск-Назрань. Отделение армейской базы – в Грозном, управление армейской базы – в ст. Серноводск. Границей войскового тыла определялась линия Первомайское, Средние Ачалуки, Кескем.

Тылы соединений были размещены в следующих пунктах:

доп 389-й стрелковой дивизии – Заградино, путь подвоза – Грозный – Заградино;

доп 417 сд – Балашев, пути подвоза – Назрань, Плиево, Троицкая, Орджоникидзевская, Балашев;

доп 176 сд – северо-восточная окраина Нижние Ачалуки, пути подвоза – Назрань, Плиево, Средние Ачалуки, Нижние Ачалуки;

коп 11-го гвск – Нижние Ачалуки, пути подвоза – Назрань, Плиева, Средние Ачалуки, Нижние Ачалуки;

боп 62-й стрелковой бригады – Сагопшин, путь подвоза – Назрань, Плиево, Средние Ачалуки, Пседах, Сагопшин [50, л. 26].

В свою очередь, немцы собирали группировку для удара на Малгобек из двух составляющих – танковых соединений, которым отводилась роль тарана, и пехотных, которые должны были развивать успех подвижных сил, поддерживать и обеспечивать их фланги, неудержимо вливаясь в тот пролом в стене советской обороны, который, как представлялось противнику, неминуемо должен был разверзнуться под ударом бронированного кулака 1-й танковой армии. Последняя, передав 57-й танковый и 44-й армейский корпуса в состав 17-й армии, поворачивалась на восток и должна была наступать в составе 3-го и 40-го танковых и 52-го армейского корпусов севернее Главного Кавказского хребта в юго-восточном направлении на Грозный, Махачкалу, Баку. В первом эшелоне должен был идти 40-й и во втором эшелоне – 3-й танковые корпуса [187, с. 47]⁴.

Тем не менее задача захвата первоначальных плацдармов возлагалась именно на пехотные дивизии 52-го армейского корпуса. В предыдущие недели и месяцы немцы позволяли себе отступления от канонов военной науки – в молниеносных захватах Майкопа, Краснодара, Ставрополя, Элисты они нередко обходились либо чисто танковыми, либо исключительно пехотными дивизиями. Понимание значимости малгобекского рубежа и неизбежности столкновения с особо упорным советским сопротивлением на последнем редуте перед Грозным – Алханчуртских воротах – вынуждало командование вермахта избегать увлечения авантюрами ради сохранения темпов наступления.

То, что после взятия Моздока у противника ушло еще более недели на подготовку удара по советским войскам южнее Терека, ознаменовавшего начало битвы за Малгобек, во многом объяснялось необходимостью собрать в единый кулак части и подразделения разных родов войск, разбросанные в ходе операций второй половины августа в степных районах Северного Кавказа по огромной территории к северу от Терека.

К тому же немецкое командование в последнюю неделю августа, пытаясь «нащупать» оптимальную организационную структуру ударной группировки, предназначенной для прорыва через Малгобек на Грозный, экспериментировало с подчинением танковых дивизий. 25 августа 13-я танковая дивизия, находившаяся до этого в составе 3-го танкового корпуса, была переподчинена командованию 40-го танкового корпуса [164, с. 171]. Теперь под началом командира этого соединения – генерала Лео Гейра фон Швеппенбурга – находились все германские подвижные части, предназначенные для удара на Малгобек. В плане единства командования такая рокировка, вероятно, больше отвечала требованиям момента, хотя уже в первые дни наступления вопрос с подчинением танковых дивизий вновь будет пересмотрен. Данное переподчинение наглядно свидетельствовало о том, что немецкое командование весьма серьезно относилось к той задаче, которую придется решать его войскам в ходе и после форсирования Терека.

То, что немцы сознавали, что время работает против них, и стремились всемерно сократить вынужденную оперативную паузу, возникшую вслед за падением Моздока, подтверждает тот факт, что направляемая в калмыцкие степи на замену перебрасываемой под Моздок 370-й пехотной дивизии 16-я моторизованная дивизия была вынуждена задерживаться в пути по причине передачи всех запасов ее горючего (нехватку которого немцы уже начали ощущать в условиях растянувшихся в зоне наступления коммуникаций) спешно движущейся все к тому же Моздоку 13-й танковой дивизии [164, с. 154].

То же самое можно сказать и об усилении ударной группировки пехотными дивизиями 52-го армейского корпуса. В период стремительных прорывов танков Клейста в августе это соединение под командованием генерала Ойгена Отта серьезно оторвалось от мчащихся вперед танковых и моторизованных колонн 3-го и 40-го танковых корпусов [146, с. 462]. Но для

⁴ Боевое расписание 1-й танковой армии приводится в приложении 2.

форсирования Терека, удержания и расширения плацдармов и дальнейшего успешного наступления с них немцам было недостаточно сил одних вырвавшихся вперед танковых и моторизованных соединений – настоятельно требовалось пехотное усиление в виде дивизий 52-го армейского корпуса.

Однако во второй половине августа корпус Отта находился далеко в стороне от основного фарватера наступления армии Клейста, очень сильно отклонившись к востоку, в калмыцкие степи. Для возвращения оттуда к Моздоку – в район исходного сосредоточения для броска на Малгобек и далее на Грозный – ему требовалось время. Пехота 52-го корпуса, совершавшая в период, непосредственно предшествовавший началу битвы за Малгобек, многодневные марши под изнуряющим августовским солнцем в пыльных степях северо-восточной части Северного Кавказа, безусловно, была сильно измотана. Тем не менее даже без привлечения танковых сил 52-й корпус ухитрился овладеть Элистой 12 августа 1942 г. [146, с. 453]. Правда, героическая оборона столицы Калмыкии вынудила, против ожидания, задействовать силы обеих пехотных дивизий корпуса Отта. Вначале немцы рассчитывали взять Элисту разведывательными частями одной 370-й пехотной дивизии, далеко оторвавшимися от остальных сил корпуса, но затем вынуждены были привлечь и силы 111-й пехотной дивизии [164, с. 152]. Тем не менее взятие Элисты свидетельствовало о высокой боеспособности и прекрасной подготовке немецкой пехоты – как входившей в состав подвижных, так и воевавшей в «классических» пехотных дивизиях 1-й танковой армии.

Переброска пехотных соединений от границ Калмыкии к Малгобеку также произошла достаточно быстро. Уже 27 августа передовые части 52-го армейского корпуса прибыли на северный берег Терека – притом, что последние части входившей в корпус 370-й пехотной дивизии сдали свои позиции под Элистой сменившей их 16-й моторизованной дивизии только двумя днями ранее. Последние же части 370-й пехотной дивизии прибыли под Малгобек только к 10 сентября, спустя полторы недели после начала сражения [296, f. 171].

111-я пехотная дивизия должна была захватить плацдарм под Моздоком, а 370-я пехотная дивизия – западнее города [164, с. 172].

Боевой порядок ударной группировки 1-й танковой армии Клейста, изготовившейся к броску через Терек, был следующим.

Основу группировки составлял 52-й армейский корпус (командир – генерал Ойген Отт), включавший 111-ю и 370-ю пехотные дивизии, а также части корпусного подчинения.

111-я пехотная дивизия генерал-майора Германа Рекнагеля, сформированная в ноябре 1940 г., в рамках так называемой 12-й волны формирования⁵, включала 50, 70, 117-й пехотный полки и 117-й артиллерийский полк четырехдивизионного состава, а также 117-й батальон связи, 111-й танково-истребительный батальон, 111-й батальон связи, 111-й саперный батальон. Дивизия участвовала в войне с 22 июня 1941 г. в составе группы армий «Юг», а с лета 1942 г. – группы армий «А». За это время дивизия приняла участие в важнейших операциях – сражениях под Дубно, Киевом, форсировании Днепра, взятии Ростова, Шахт, Армавира, Краснодара [146, с. 453].

370-я пехотная дивизия (19-й волны формирования) была сформирована на Западе в апреле 1942 г. [156, с. 77]. Она находилась под командованием генерал-майора Эрнста Клеппа (с 15 сентября, уже в ходе боев за Малгобек, он был заменен генерал-майором Фрицем Беккером), включала 666, 667 и 668-й гренадерские полки, 370-й артиллерийский полк четырехдивизионного состава, 370-й батальон связи, 370-й саперный батальон, 370-й разведывательный батальон [110]. Дивизия, как видно из даты ее формирования, имела меньший

⁵ Пехотные дивизии вермахта делились на так называемые «волны формирования», в которые они были условно сгруппированы в зависимости от времени мобилизации личного состава и сроков формирования. Всего было 35 волн формирования с 1934 по 1945 г. Чем ближе к началу списка стояла волна формирования, тем более боеспособной, как правило, являлась дивизия.

боевой опыт, чем ее соседка по корпусу, однако была укомплектована кадровым солдатским, унтер-офицерским и офицерским составом и с июня 1942 г. воевала на южном участке советско-германского фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.